

Е. Н. ПОЛЯКОВА
Пермь

О СВЯЗЯХ ФАМИЛИЙ И ИМЕН НАРИЦАТЕЛЬНЫХ В XVII В.

по материалам деловой письменности Прикамья

Одним из актуальных в ономастике является вопрос о связях имен собственных (в частности, фамилий) и нарицательных на различных этапах развития русской антропонимии. Изучение функционирования имен собственных в системе языка включает рассмотрение и этой проблемы.

Большой материал для изучения таких связей в начальный период формирования национального русского языка дают многочисленные центральные и местные деловые памятники XVII в.— документы разных видов и разных территорий России. Значительное число административно-юридических актов в это время написано на территории Прикамья: в Перми Великой (Чердыни), Соли Камской, в Кунгурском уезде и вотчинах Строгановых. Составленные в соответствии с нормами делового языка, они отражают ряд особенностей складывающихся в Прикамье говоров и просторечия и дают возможность анализировать различные стороны языка, в частности особенности антропонимов той эпохи и их взаимодействие с именами нарицательными.

Фамилии Прикамья XVII в. рассматривались нами по материалам текстов разных видов: писцовых и переписных книг, расписных списков, актов судных и приказных изб (челобитных, отписок, допросных сказок, купчих, заемных, закладных, поручных, расписок и т. д.)¹. Это дало возможность судить об особенностях

¹ Писцовая книга Михаила Кайсарова по Перми Великой 1623 года.— ГБЛ, отдел рукописей, ф. 256, № 308; Переписная книга Прокопия Елизарова 1647 года по вотчинам Строгановых.— В сб.: Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893, вып. 2; Расписные списки XVII в.— ЦГАДА, ф. 137, оп. Чердынь, № 1—10, оп. Кунгур, № 1—2; Чердынские акты XVII—начала XVIII в.— ЧКМ, ф. 2558, 2561; Соликамские акты XVII в.— ККМ, № 1—83; Копии частных писем XVI—XVII вв.— ПОБ, фонд редкой книги, № 61539; Кунгурские акты XVII века (1668—1699 гг.). СПб., 1888; Кунгурская земская судная изба.— ЦГАДА, ф. 687; Кунгурские судебно-административные учреждения XVII—XVIII вв.— ЦГАДА, ф. 1015.

антропонимии как официального делового языка, так и живой речи.

Изучение документов семейных архивов соликамских крестьян Иртеговых, посадских людей Ростовщиковых, солепромышленников Суровцевых, крестьян Афанасьевых из деревни Цидвы Чердынского уезда², а также писцовых и переписных книг Прикамья³ свидетельствует о том, что фамилии в XVII в. функционируют как официальные именованья людей различного социального положения. В текстах это обычно третий член трехчленного антропонима, реже четвертый член четырехчленного именованья: *Федотка Алексеев сын Петров*, *Андрюшка Иванов сын Белавин* или *Ивашка* по назвищу *Баженко Антипин сын Глотов*. Этр семейное именованье передавалось по наследству по мужской линии. Сопоставление пермских памятников XVII в. с деловыми текстами Прикамья XVI в.⁴ показывает, что фамилии как семейные именованья, общие для разных поколений, у крестьян и горожан последовательно фиксируются в этом крае только с XVII в.

Сравнение фамилий пермских текстов XVII в. с современными свидетельствует об их сходстве по форме. Как правило, фамилии XVII в. оформлены теми же суффиксами, что и в современном языке: *-ов*, *-ев*, *-ин* (ср. *Суслов*, *Рудометов*, *Ярославцев*, *Беляев*, *Падерин*, *Ширинкин*). Изредка в памятниках отмечаются в качестве последнего члена трех-, четырехчленного антропонима имена прилагательные в форме им. или род. падежей: *Жидкий*, *Голый*, *Кислый*, *Слепой*, *Узкий*, *Наугольного*, *Пошлого*, *Малово*. В некоторых случаях фиксируются фамилии на *-ых* (*Юмшаниновых*, *Афанасьевых*, *Букиных*, *Безматерных*), употребляемые в текстах XVII в. обычно параллельно с однокоренными именованьями без этого суффикса (*Юмшанинов*, *Афанасьев*, *Букин*, *Безматерный*).

Около четверти всех фамилий в памятниках, как и в настоящее время в Прикамье, имеют в основе имена календарные: *Давыдов*, *Клементьев*, *Федоров*, *Степанов*, *Исаков*. Преобладают среди них в актах XVII в. фамилии от полных имен и гораздо реже встречаются образованные от неполных и оценочных имен: *Ромахин*, *Трошев*, *Васев*, *Оверин*. Три четверти фамилий возникли на основе некалендарных или нерусских имен, а также различных прозвищ: оттопонимических, этнонимических, по роду занятий, по особенностям внешности, характера, склонностям, манере поведения и т. д. Фамилии от нерусских именованний образованы от коми имен и

² Е. Н. Полякова. Наименования людей в Соли Камской и Цидве в XVII—начале XVIII века.— В сб.: Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1974, вып. 4.

³ А. С. Кривошекова-Гантман. Русские фамилии коми-пермяцкого происхождения.— В сб.: Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1973.

⁴ Писцовая книга Ивана Яхонтова по Перми Великой 1579 года.— ГБЛ, отдел рукописей, ф. 256, № 308; Соликамские акты XVI в.— В кн.: Копии частных писем..., и др.

⁵ А. С. Кривошекова-Гантман. Фамилии от имен на *-ег*, *-ог*.— В сб.: Ономастика Поволжья. Саранск, 1976, вып. 4.

прозвищ (ср. от имен на ег⁵: *Азегов, Гачегов, Жебегов, Иртегов, Онегов, Песегов, Тунегов*; от прозвищ — *Ижитпелев, Кушпелев, Сюрпорсев*) и от тюркских именовании (*Казымов, Карабаев, Карагаев, Маметов* и др.). Что же касается различий русских имен некалендарных (*Добрыня, Ждан, Первуша, Вторак, Полежай*) и прозвищ, то, видимо, границы между ними в этот период не существовало, и все они функционировали как мирские, бытовые именовании в отличие от календарных: *Евсевийка* прозвищем *Носырь*, *Семен* прозвище *Бажен Иванов сын Загородский, Ивашко* прозвищем *Щербак Лаврентьев сын Швецов*.

Роль фамилий, особенности их функционирования и взаимосвязи с нарицательными словами в XVII в. были иными, чем сейчас. Фамилии являлись принадлежностью лишь официальных текстов. В делах, судебных извещениях, в допросных сказках, лучше отражавших живую речь, чем документы других видов, нередко фиксируется ситуация, когда человек известен окружающим по имени и личному прозвищу, а именовании его по отцу, отчеству и фамилии неизвестны, забыты: «Жалоба... на кунгурцов Торговишского острожку, на *Остафия*, отчество его опамятовали, и на сына его *Спиридона*» КА-96, «Крестьянин *Федор* прозвищем *Кулыч*, а отчество его запаметовал» КА-79. Фамилии той эпохи еще не стали такой необходимостью в общении людей, как это произошло в XIX—XX вв., когда они, употребляясь в быту, стали давать различные формы именовании.

В этом отношении судьба русских фамилий напоминает судьбу заимствованных календарных имен. Появившись на Руси в X—XII вв., календарные имена затем адаптировались к русскому языку в области фонетики и словообразования. Одним из результатов этой адаптации явилось возникновение многочисленных имен с суффиксами субъективной оценки (*Мишенька, Катюха, Петька*), весьма распространенными стали и неполные двусложные имена на -а после мягких согласных: *Ваня, Вася, Митя*.

Фамилиям, возникшим на основе функционировавших в русском языке имен и прозвищ, не пришлось пережить фонетических изменений. Но наблюдается их приспособление к формам, обычным в живой речи. Необходимость употреблять фамилии в речи и в то же время восприятие их как весьма официальных именовании и стремление приблизить к бытовым приводят к возникновению в XIX—XX вв. различных форм. От одних фамилий образуются прозвища, совпадающие с именами нарицательными (*Морозов > Мороз, Гусев > Гусь*), иногда с использованием различных суффиксов (*Уткина > Уточка, Зайцев > Зайчишка*). От других возникают формы субъективной оценки с различными антропонимическими формантами (*Потапов > Потапыч, Голованова > Голованиха*), среди них по количеству и частоте употребления выделяются двусложные именовании на -а после твердых и мягких согласных, образованные от усеченных фамилий: *Бочкарев > Боча, Зиновьев > Зина, Пешков > Пеша, Кутейщиков > Кутя, Мышкин > Мыша, Кюхель-*

бекер > Кюхля⁶. Все это стало возможно только тогда, когда фамилии, утвердившись в языке, из официальной сферы широко идут в живую речь.

В памятниках Прикамья XVII в. такие бытовые формы, образованные от фамилий, еще не фиксируются. Фамилии утверждались в это время лишь в официальном языке и не стали необходимостью в живой речи.

Случаи же употребления одного семейного именованья то с суффиксом фамилии, то без него (*Батов — Бат, Головин — Голова, Кошкин — Кошка*) являлись, видимо, результатом иных, чем в XIX—XX вв., связей фамилий и прозвищ: не фамилии шли из официального языка в живую речь и давали прозвища, а, напротив, прозвища были принадлежностью не только живой речи, но пока еще и официального делового языка. Фамилии в этот период были весьма тесно связаны с прозвищами.

Прозвища же, в свою очередь, связаны с именами нарицательными, на основе которых они возникли. Прозвища использовались не только для различения тезок (людей, имевших одинаковые имена), но были в какой-то степени и характеристиками людей, в них ощутимо лексическое значение. Особенно наглядно это в прозвищах-словосочетаниях: «Андрей прозванием *Широкая Лыжа* ходил по дуброве и спрашивал... где де мой скот ходит» (ЦГАДА, ф. 1015, № 271); «Того же села десятник Ивашка Третьяков, он же по назвищу *Добрая Корова*, допрашиван» (ЦГАДА, ф. 687, № 128). Такие прозвища-словосочетания не очень удобны в общении, и удерживались они в языке именно в связи с их содержанием, связанным с какой-то определенной ситуацией. Фамилии типа *Густокашин, Туполапов, Мелкомуков, Пологлазов, Тупоносов, Черноусов*, которых немало в пермских памятниках XVII в., возникали и на базе сложных слов, и на базе подобных словосочетаний.

Итак, фамилии XVII в. были тесно связаны с прозвищами, а через них и с именами нарицательными. Это имеет особое значение для исследования лексики живой речи Прикамья того времени. В том случае, если в основе фамилии не лежит христианское (*Петр, Ромаша*), традиционное некалендарное (*Бажен, Добрыня*) или заимствованное (*Куим, Тунег*) имя, она образована из прозвища. Изучение таких фамилий дает возможность реконструировать значительную часть лексики разговорного языка, а именно: этнонимы (*отин, зырян, мокша*), названия людей по роду занятий (*шубник, копежник, оханщик, пастух*), названия зверей и домашних животных (*соболь, еж, телица*), птиц (*петух, потка, цирок, загоска*), рыб (*осетрик, язь*), предметов быта (*епанча, лапоть, хомут, перстень*) и т. д. Значительная часть таких слов за-

---

⁶ А. И. Сидоршина. Прозвища и бытовые имена в речи молодежи.— В сб.: Ономастика Поволжья. Саранск, 1976, вып. 4; Е. Н. Полякова. Из истории русских имен и фамилий. М., 1975, с. 80—84.

фиксирована в текстах XVII в. не только в ономастике, и сопоставление имен нарицательных с образованными на их основе именованиями помогает исследовать отдельные группы лексики языка XVII в. и закономерности возникновения имен собственных. Подобному анализу фамилий в памятниках посвящено немало работ как лексикологов, так и ономатологов⁷.

Но особенно важна для лексикологов возможность реконструкции лексики, отсутствующей в текстах XVII в. и, видимо, характерной в прошлом, как и сейчас, только для живой речи. Во-первых, это многочисленные существительные общего рода. Немало фамилий было образовано от прозвищ — бессуффиксных существительных общего рода на *-а*: *голомолза, голуза, дылда, задора, заяка, оцера, полеза, потема, улыба, лыба, нагиба* и др. Но преобладают среди основ фамилий прозвища с суффиксами. Наиболее часто встречаются такие слова с суффиксами *-ыг/а/* (*бусыга, гулыга, басарыга, зворыга, коротыга, малыга*), *-уг/а/* (*варзуга, папуга*), *-аг/а/* (*верещага, стреляга*), *-л/о/* (*брызгало, бырыло, выгало, грездило, гроыхало, кормило*), *-ух/а/* (*борзуха, житнуха, рябуха, тяпуха*), *-ах/а/* (*биряха, ждаха*), *-в/а/* (*белава, малява, мигава, чернава*), *-ш/а/* (*балакша, бобоша*), *-он/я/* (*махоня, бухоня, бритоня*), *-к/а/* (*бурмака, дубака, коряка, кусака*). Такая лексика сохраняется сейчас преимущественно в говорах и просторечии и характеризуется исследователями как экспрессивно окрашенная и стилистически сниженная⁸.

Во-вторых, на базе фамилий XVII в. выявляется значительный список существительных мужского рода — названий лиц. Это и бессуффиксные прозвища (*глот, брех*) и (преимущественно) слова с различными суффиксами. Выделяются группы прозвищ на *-ан* (*базан, брюхан, горлан, грибан, долган, молчан, плехан*), *-ун* (*бровун, глазун, дрягун, кликун, мигун*), *-ыш* (*беклемыш, бутыш, катыш, крепыш*), *-аш* (*балабаш, ватлаш*), *-як* (*борняк, бухряк, дудяк*), *-арь* (*бахарь, губарь, зубарь, жигарь, пугарь*), *-ль* (*ораль, бырыль, гурыль*). В ряде случаев существительные, называющие лиц мужского пола, совпадали с глаголами в форме повелительного склонения: *ковыляй, ломай, погадай, полетай, расторгуй*. Это также обычно лексика эмоционально окрашенная, стилистически сниженная, нередко связанная с отрицательной характеристикой лиц.

⁷ С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 243—273; Л. М. Шетинин. Русские имена. Ростов-на-Дону, 1972, с. 11—16 и др.; Г. Я. Симица. Из истории русских фамилий. Пинежские фамилии.— В сб.: Этнография имен. М., 1971; С. И. Зинин. Фамильные прозвания XVII в. как дополнительный источник экономической характеристики русских городов.— В сб.: Ономастика Поволжья. Горький, 1971, вып. 2; И. Д. Воронин. Имена и фамилии первых поселенцев Саранска.— В сб.: Ономастика Поволжья. Саранск, 1976, вып. 4; Н. Н. Бражникова. Имена собственные в письменности Южного Зауралья XVII—XVIII вв.— В сб.: Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970; и др.

⁸ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 71—80; З. А. Потиха. Современное русское словообразование. М., 1970, с. 203—205.

Слов женского и среднего рода (*пузати́ха, ади́ще, гузни́ще, долги́ще*), ставших в XVII в. основой фамилий, мало, что связано с особенностями именованний, передающихся по мужской линии.

Прозвища XVII в., реконструированные по материалам фамилий, дают возможность изучать словообразование в живой речи того времени, в частности анализировать названия лиц. Сравнение этой лексики с данными современных говоров и просторечия, прежде всего с уральскими материалами⁹, целесообразно для рассмотрения ряда вопросов исторической лексикологии и особенно исторической диалектологии.

Сопоставление данных XVII в. с материалами современных говоров помогает предположительно установить значение многих слов памятников, причины возникновения прозвищ. Проведенное нами сопоставление основ фамилий из памятников Прикамья с данными различных словарей¹⁰ показывает, что в антропонимы попадали чаще всего слова эмоционально окрашенные, характеризующие людей по манере говорить, держаться, по склонностям, по отношению к окружающим. Ряд прозвищ характеризовал говорливых, крикливых людей (*базан, бахарь, верещага, голомолза, зубарь, зык*) или людей с дефектами речи (*бормот, бобоша, барамыка, ваула, заяка, латыш*). В прозвищах отмечалась медлительность и нерешительность людей (*жуныя, колыбало*), непоседливость, суетливость (*басарыга, дряга*), лень (*вага, кропач, лежень, лыкас*), сварливость, неуживчивость (*корза, брызгало, деряга*) и т. д. Эти наименования давали обычно отрицательную характеристику. Эмоционально окрашенные слова называли человека по особенностям внешности, подчеркивая его рост (*долган, нагиба, лызла, малыга, коротыга, махоня*), комплекцию (*батан, бухряк, кубас, катыш, засуха*), какие-то недостатки лица (*митус* — одноглазый, *мигава* — мигающий, *лупач* — таращащий глаза).

Нередко в основе фамилий XVII в. лежат слова, не отмеченные в каких-либо других источниках изучения языка прошлых эпох и настоящего времени. Однако в говорах и просторечии XIX—XX вв. известны однокоренные образования, которые свидетельствуют, что такие слова могли существовать в XVII в. Чаще всего реконструировать прозвища помогают глаголы (см. табл. 1).

Возможно, значения глаголов в XVII в. были и иными, однако несомненно, что реконструируемые прозвища называли людей по

⁹ Ср.: Л. В. Сахарный. Словообразование личных имен существительных в русских говорах Среднего Урала.— В сб.: *Вопр. истории и диалектологии русского языка*. Свердловск, 1963; *Словарь говоров Соликамского района Пермской области*. Пермь, 1973; *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Свердловск, 1964—1971, т. 1—2; *Картотека Словаря говора д. Акчим, хранящаяся на кафедре русского языка и общего языкознания Пермского университета*.

¹⁰ *Словарь русских народных говоров*. М.—Л., 1965—1976, т. 1—11; В. И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1955, т. 1—4; Ю. А. Федосюк. *Русские фамилии*. М., 1972; В. А. Никонов. *Из словаря русских фамилий*.— *Русская речь*, 1976, № 1—6; *Словарь говоров Соликамского района...*; *Словарь русских говоров Среднего Урала* и др.

Таблица 1

Фамилия XVII в.	Глагол в говорах и просторечии XIX—XX вв.	Реконструируемое прозвище
<i>Бразгин</i>	бразгаться — брызгаться, плескаться	<i>бразга</i>
<i>Бутылгин</i>	бутылить — бить	<i>бутылга</i>
<i>Бызанов</i>	бызгать — бегать, метаться	<i>бызан</i>
<i>Бырганов</i>	быргать — пить, глотая с шумом	<i>бырган</i>
<i>Ватлашев</i>	ватлать — говорить вздор, браниться	<i>ватлаш</i>
<i>Ворошнин</i>	ворошиться — беспокоиться	<i>ворошня</i>
<i>Выгалов</i>	выгаливать — тарашить глаза	<i>выгало</i>
<i>Колтин</i>	колтать — говорить, глотать	<i>колга</i>
<i>Колтырин</i>	колтыхать — ходить вперевалку, мотаться	<i>колтыря</i>
<i>Корпакин</i>	корпать — ковырять, колупать	<i>корпака</i>
<i>Корчанов</i>	корчить — сводить судорогами	<i>корчан</i>
<i>Корепин</i>	корепать — ломаться, упрямиться	<i>корепа</i>
<i>Лошилов</i>	лошить — красть	<i>лошило</i>
<i>Лыбин</i>	лыбить — улыбаться	<i>лыба</i>
<i>Лячин</i>	лячить — наляпять	<i>ляча</i>
<i>Мотышев</i>	мотышиться — шевелиться, суетиться	<i>мотыш</i>
<i>Ряхин</i>	рыхаться — медлить, копаться	<i>ряха</i>
<i>Салауров</i>	салаурить — говорить вздор	<i>салаур</i>
<i>Чмутов</i>	чмутить — сплетничать, ссорить	<i>чмут</i>
<i>Шепелев</i>	шепелить — шепелявить, сюсюкать	<i>шепель</i>

каким-то действиям, чаще всего отрицательного характера.

Иногда в говорах XIX—XX вв. отмечаются однокоренные с восстанавливаемыми прозвища (см. табл. 2), имеющие другое суффиксальное оформление (или не имеющие суффиксов).

Таблица 2.

Фамилия в XVII в.	Реконструируемое прозвище	Прозвище в говорах XIX—XX в.
<i>Бусоргин</i>	<i>бусорга</i>	бусор — глупый, глуповатый
<i>Бушмаков</i>	<i>бушмак</i>	бушма — толстый
<i>Лемзин</i>	<i>лемзя</i>	лемзяй — ротозей
<i>Мунев</i>	<i>мунь</i>	мунья — ротозей
<i>Слябин</i>	<i>сляба</i>	слябун — лакомка, подлиза

К сожалению, изучение основ фамилий XVII в. не дает возможности решать вопрос о их принадлежности в тот период к общерусской или диалектной лексике. Об основах немногих фамилий можно определенно говорить как о севернорусских словах (ср. *Челпанов*¹¹, *Тюнев*, *Шутемов*¹²). Обычно это предметная лексика:

¹¹ А. К. Матвеев. К этимологии русск. диал. *челпан*. — *Études Finno-Ougriennes*. Budapest — Paris, 1975, t. 10, p. 21—30.

¹² В. И. Даль. Толковый словарь..., т. 4, с. 451, 649.

названия предметов быта, географических реалий, пород рыб, растений и др. Эмоционально окрашенные названия лиц с этой точки зрения характеризовать трудно.

Для исследователей пермской лексики важны материалы уральских словарей и данные других словарей, в которых используется помета «пермское». С пометой «пермское» помещены в словарях такие нарицательные слова, как *базан, бахта, бобоша, бушма, ваула, галя, голдоба, деряга, елтыш, жигарь, задора, заяка, шульга, шумиха* или связанные с прозвищами глаголы *ботать, бразгаться, бутылить, бызать, быргать, ватлать, корепать* и др. Однако это не исключает возможности их существования и в других говорах, не только севернорусских, но и южно- и среднерусских. Таким образом, использование материалов с пометой «пермское» важно для характеристики преемственности пермских говоров XVII и XIX—XX вв., но их далеко не достаточно для характеристики исследуемых основ фамилий как общерусских или распространенных на ограниченной территории.

Эмоционально и экспрессивно окрашенные названия лиц прошлых эпох изучены еще крайне плохо, нет достаточного количества систематизированных материалов по разным территориям, сопоставление которых могло бы быть основой анализа диалектных слов этого пласта лексики. Полагаем, что первым этапом такого исследования должно быть составление по памятникам полных списков фамилий жителей различных территорий России XVII в. Это целесообразно, во-первых, потому, что в официальных документах с XVII в. последовательно фиксируются фамилии представителей различных слоев населения. Среди них большую часть составляют фамилии на основе прозвищ, появившихся из имен нарицательных. Во-вторых, это целесообразно в связи с тем, что в архивах нашей страны хранится большое количество деловых текстов разных районов русского государства этой эпохи. Все это дает возможность извлечь значительный материал, который в сопоставлении с данными языка других эпох послужит основой для анализа различных групп экспрессивно окрашенных слов в живой речи прошлого.

Работа по выявлению, систематизации фамилий и привлечению их к решению различных вопросов лексикологии и ономастики начата¹³, она безусловно будет продолжена. И здесь очень важны публикации списков фамилий и прозвищ разных территорий, которые введут в научный оборот новый большой материал.

Таким образом, изучение фамилий прошлого в системе языка, анализ их связей с прозвищами, а через них — с именами нарица-

¹³ См.: В. В. Палагина. Русские антропимы XVII в. как источник информации о диалектном составе населения (на материале томских документов XVII в.).— В сб.: Вопр. изучения лексики русских народных говоров. Л., 1971; Она же. Неканонические антропимы русского населения Томска первой половины XVII в. (материалы для словаря).— В сб.: Вопр. ономастики. Свердловск, 1974, № 8—9.

тельными дает возможность реконструировать различные пласты лексики живой речи начального периода формирования национального русского языка и представляет интерес для лексикологов, ономастологов, диалектологов и историков.

Список сокращений

- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
КА — Кунгурские акты XVII века 1668—1669 гг. СПб, 1888.
ККМ — Кунгурский краеведческий музей.
ПОБ — Пермская областная библиотека им. А. М. Горького.
ЧКМ — Чердынский краеведческий музей.